

ликие грешники под знаменем креста подвергнутся новым искушениям и что на продолжительном пути им будет легче совратить своих спутников, нежели исправиться самим. Беспорядки были, к несчастью, терпимы вождями, которые полагали, что себо всегда сплсходительно к крестоносцам, и не хотели быть строже божества.

Во всяком случае, христианская армия рядом с самыми соблазнительными правами представляла, однако, примеры сурового благочестия. Посреди опасностей войны и утомлений длинного странствования король Франции с точностью выполнял самые мелочные обряды религии. В рассказах Одо Диогильского можно видеть не раз трогательную предапность Людовика VII тому народу, который шел вместе с ним из Франции. Большая часть вождей принимала его за образец для себя. В лагере делали более процессий, нежели воепных упражнений, и войско менее доверяло своему оружию, чем своим молитвам. Вообще, не довольно употребляли средства человеческого благоразумия и слишком полагались на Провидение, не оказывающее покровительства тем, которые совращаются с пути разума и мудрости.

Первый поход характеризуется двумя отличительными чертами: благочестие и геройство. Второй поход имеет своим побуждением одно благочестие, которое ближе подходит к ханженству монастырей, нежели к энтузиазму. В этой войне легко заметить влияние монахов, которые проповедовали ее и вмешивались потом во все дела. Король Франции обнаруживал в несчастьях одно самоотвержение мучени-

ка и на поле битвы представлял одну храбрость и горячность простого солдата. Образ действий германского императора отличался не большим искусством; он потерял все вследствие безрассудной самоуверенности и убеждения, что он может победить турок без помощи французов. Оба они были весьма ограничены в своих воззрениях, и им недоставало той энергии, которая порождает великие дела. В походе, которым они распоряжались, ничто не возвысилось над ними, и на всем запечатлелся их характер. Одо Диогильский приписывает несчастью немцев их пезовдержанности: *ebrii semper*. Конрад был слишком доверчив к обещаниям императора Мануила, который предупредил турок и дал латинам провожатаев с поручением обмануть их. Конрад III, человек посредственный, высказался весь в письме, которое он писал к аббату Корбейского монастыря: «Я совершил в Святой земле, — говорит немецкий император, — то, что было угодно Богу и что мне позволили сделать князья той страны». Этот Второй крестовый поход не представил ни геройских страстей, ни доблестей рыцарства; великие предводители не встречались в лагере, и эпоха, описываемая нами, видела в себе только двух гениальных людей: святого Бернарда, который поднял Запад своим краспоречием, и аббата Сугерия, мудрого министра Людовика VII, который должен был загладить для Франции те бедствия, которые ей причинил Второй крестовый поход.